

6. Для информации: по состоянию на декабрь 2002 г. в мире доля ВИЧ-инфицированных среди взрослого населения (15–49 лет) составляет 1,20% // Доклад Объединенной программы ООН по СПИДУ ЮНЭЙ.

7. Jeevan Vasagar. Get wife's permission for harem, Ugandan men told // The Guardian. 2003. 18 December. *Перевод автора.*

8. Кович А. Брак по расчету // МК-воскресенье. 2002. 5–11 мая. № 18 (226).

Любовь Васильевна АЛЕКСЕЕВА —
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной
психологии факультета психологии,
судебно-психологический эксперт

УДК 159.9:340

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УК РФ

АННОТАЦИЯ. Показано, что нормы УК РФ по отношению к субъекту преступления ориентированы на понимание субъектно-объектной сущности личности человека, уровни субъектности, возможности субъектного самоуправления и меру проявления человеком социальных субъектных способностей. Раскрывается психологическое содержание вины и психологическая характеристика соучастия через возможность и особенность проявления личностью субъектного самоуправления. Характеристика преступного деяния дается через соотношение предъявляемых требований и субъектных возможностей личности. Отмечается ряд психологических характеристик, не актуализированных в действующем УК.

The author demonstrates that the norms of the Criminal Code of the Russian Federation with regard to the subject of crime cope with the concept of subject-object essence of the human personality, levels of subject revelation, the possibilities of self-awareness as well as with the level of the individual socio-subject revelation.

Further the author dwells upon the psychological components of the notion of crime and offers psychological characteristics of complicity considering the possibility and the peculiarity of the individual self-awareness. Several psychological characteristics that are not taken into account by the authors of the current CC are pointed out.

Потребность в использовании данных психологии в создании и применении концепции субъекта преступления, прежде всего, связана с самим содержанием преступления как сознательного деяния. Говоря о деянии, необходимо рассматривать психологические характеристики *актора* — субъекта, потому что деяние человека может быть активно и осознанно в разной мере. В связи с этим, содержание понятия субъекта преступления, отражающее совокупность нормативно заданных признаков, должно опираться на адекватные психологические возможности человека. Неясность психологических феноменов, значимых для уголовного права, влияет на адекватность создаваемых законов и их понимание. Кроме того, неясности соотношения уголовно-правовой и психологической теорий осложняют взаимодействие юристов и психологов в уголовном процессе.

В данной работе психологический анализ характеристик физического лица как субъекта преступления проводится в соответствии с авторской концепцией субъектно-объектной сущности личности, социальной и уголовно-релевантной субъектности человека [1]. Это отличает его от психологического комментария О. Д. Ситковской [2] к Общей части УК РФ в русле исследования психологичес-

ких основ уголовной ответственности. Для психологического анализа содержания понятия *субъекта преступления* отобраны статьи УК РФ [3], имеющие принципиальное значение для его характеристики, а также ряд статей, представляющих важность для экспертной деятельности психолога, среди них — ст. 14, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 28, 32, 33, 37, 39, 40, 41, 61, 63, 105, 106, 107, 110, 113, 130, 131, 132, 239, 282, а также ст. 196 УПК РФ [4].

Согласно ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности», «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Итак, прежде всего законодатель учитывает, что человек как личность и как субъект должен пройти определенное социальное формирование и развитие в онтогенезе. По этой причине, а также из соображений гуманности установлена нижняя граница возраста наступления уголовной ответственности — 16 и 14 лет (соответственно, ч. 1 и ч. 2 ст. 20 УК РФ «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность»). Благодаря формулировке ч. 3 ст. 20, законодатель раскрывает содержательные признаки субъекта уголовной ответственности, хотя не выходит за рамки контекста совершаемого преступления, поэтому, прежде всего, характеризует лицо, совершаемое деяние, как субъекта преступления. Итак, человек как *субъект преступления* должен соответствовать следующим требованиям: чтобы во время совершения общественно опасного деяния он *мог в полной мере* осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Если этот признак отсутствует вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, как у несовершеннолетнего, который *не мог в полной мере* проявить указанные способности, то он не подлежит уголовной ответственности, значит, не признается субъектом преступления.

Следует отметить, что категория возраста, характеризующая субъекта преступления, является предельно формальным признаком — фактом достижения возраста, определенного законом как возраст наступления уголовной ответственности. Это больше других формальных признаков субъекта преступления может порождать претензии к уголовному законодательству по причине одностороннего учета принципа гуманизма (только к обвиняемому, но не к потерпевшему). Кроме этого, можно оспаривать справедливость закона и гуманность этой нормы даже в отношении лица, совершившего правонарушение, способного к субъектному самоуправлению, но не достигшего указанного возраста. Ведь ненаказуемость ослабляет понятие о границе дозволенного, снижает чувство ответственности вплоть до бравирования безнаказанностью и проявления цинизма, закрепляет противоправный способ поведения, который с трудом поддается коррекции в дальнейшем, провоцирует взрослых возвращать несовершеннолетних при вовлечении их в преступную деятельность.

Более обобщенные характеристики, имеющие отношение к субъекту преступления, даны в ч. 1 ст. 21 «Невменяемость». Из нее можно вывести, что позитивная характеристика человека, которому вменяется уголовная ответственность, и значит, который признается субъектом преступления, раскрывается через такие его возможности: во время совершения общественно опасного деяния он мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Характеристики дееспособного лица, выводимые из ч. 1 ст. 29 ГК РФ [5], подобны: понимание значения своих действий и возможность руководить ими.

Вменяемость и возраст, рассматриваемые одновременно как *признаки субъекта преступления*, относящиеся к *составу преступления* и являющиеся *условием наступления уголовной ответственности*, за пределами состава преступления порождают определенные сложности в правоприменительной деятельности. В част-

ности, перед экспертизами, *обследующими психику* обвиняемого лица, ставятся вопросы по поводу установления фактического возраста обвиняемого (как возраста, соответствующего его развитию), либо невменяемости, исходя из заболевания.

Как следствие такого положения, в уголовно-правовом контексте возникают *два вида невменяемости*: у лица как субъекта преступления и у лица как субъекта уголовной ответственности и наказания, причем установление «вменяемости первого вида», в силу ее ситуативности, не дает гарантии «вменяемости второго вида». Поскольку содержание первой уже, чем содержание второй, это требует дифференцирования понятий и уточнения законодательных формулировок. О. Д. Ситковская [6] предлагает, наряду с понятием *вменяемости*, имеющим отношение к субъекту преступления, введение понятия *уголовно-правовой дееспособности*, отражающего более широкие возможности личности как субъекта уголовной ответственности и наказания. В связи с этим, акцентируются варианты в типологии соотношения вменяемости и уголовно-правовой дееспособности, что важно и при юридической квалификации, и при обследовании психики обвиняемого в судебной экспертизе.

Анализ ч.1 ст. 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости», показывает, что «вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности». Таким образом, согласно формуле этой статьи, субъекта уголовной ответственности и субъекта преступления характеризуют такие возможности, как: «не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». *Критерий неполноты* ни в ст. 20, ни в ст. 22 не задается, в этом законодательные формулы совпадают, но в нормах существует различие.

Нормы ч. 1 ст. 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости», не только противоречат нормам ч. 3 ст. 20 «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность», но и входят в противоречие с принципом гуманизма, когда с одинаковыми психологическими характеристиками здоровый человек, пусть и несовершеннолетний, в отличие от больного (как несовершеннолетнего, так и взрослого) не признается субъектом преступления. Не умаляя роли «ошибок» взрослых в воспитании детей и подростков, а также несовершенства общества, в котором, согласно экспертному опыту, подростки знакомы с понятием «опущенный», но не понимают словосочетания «личное достоинство», требуется подчеркнуть следующее. Социальное *недоформирование* и психологическое *недоразвитие* несовершеннолетнего происходят с его активным участием, когда он сопротивляется социализации, стремясь избавиться себя от ее влияния, как ограничивающего и неприятного. Причем порой силы родителей, учителей, социальных работников и милиции, вместе взятых, не могут противостоять силе субъектности подростка [7], хотя именно субъектом в уголовно-правовом смысле он и не признается. Так, большая часть несовершеннолетних обвиняемых (подэкспертных) понимают *волю* как свободу, и лишь единицы не могут оценить или объяснить позитивное значение законов в обществе, чаще всего, противопоставляя их беспределу. В то же время, такое положение дел у социально-запущенных несовершеннолетних требует не столько наказания, сколько психологической помощи и коррекции. В свою очередь, признание лица с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, субъектом уголовной ответственности позволяет использовать в отношении *вменяемого* лица применение *принудительного лечения* (п. «в» ст. 97 УК РФ).

Итак, согласно действующему УК, к субъекту преступления как физическому лицу предъявляются такие требования: чтобы *при совершении противоправного деяния он в полной мере, либо в силу психического расстройства не в полной мере мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими*. Таким образом, уголовное законодательство сориентировано на то, что юридически значимые психологические возможности человека могут осуществляться в континууме от субъектного до объектного проявления, понимаемого через ключевые термины: «мог» (субъектность) — «мог не в полной мере» (субъектно-объектная амбивалентность, двойственность) — «не мог» (объектность — возможность выражать лишь характеристики объекта, претерпевающего направленное на него действие или воздействие).

Значит, субъекта преступления как субъекта запрещенного законом деяния, прежде всего, характеризуют *особые возможности*, проявляемые им *не вообще, а в конкретном ситуативном уголовно-правовом (социальном) контексте*. Поскольку способности человека как раз и раскрываются через его возможности, правомерно считать, что субъекта преступления характеризуют определенные *способности*, как *социальные и субъектные*. Их более конкретная определенность задается уголовно-правовым контекстом, наложенным на функционирование психики человека как субъекта совершенного деяния. Тем самым, анализ норм УК РФ акцентирует, что психологическими характеристиками *субъекта преступления* являются не *состояния психики*, а проявляемые им *способности*.

Итак, «*субъект преступления*» — юридическая категория, психологически раскрывается не через «возраст» и «вменяемость» — они тоже юридические понятия, а через психологическое понятие — *субъектные способности личности*. Однако для такой юридической оценки важны не всякие *способности* или *субъектные способности личности* как таковые, а проявляемые в инкриминируемой ситуации. Таким образом, в целом экспертно-психологическим понятием (понятием юридической психологии), соотносимым с возможностями лица как субъекта преступления, будет понятие *уголовно-релевантные субъектные способности человека/личности*. Это же понятие будет адекватно по отношению к субъекту уголовной ответственности, но при этом оно будет наполнено другим содержанием, в соответствии с юридическим понятием «субъект уголовной ответственности».

Приведенные выше характеристики, отраженные в статьях УК РФ, предполагают наличие двух способностей, обозначенных через ключевые термины «мог осознавать» и «мог руководить». Однако моделирование социальных субъектных способностей показало, что их три, поскольку предваряет функционирование этих способностей способность правильно понимать действительность. Хотя в УК РФ данная способность не фигурирует, на нее указывает ч. 4 ст. 196 УПК РФ, в которой предписывается обязательное назначение и производство судебной экспертизы, связанной с состоянием психики субъекта, если необходимо устанавливать «психическое и физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания». Однако такая же способность проявляется и у свидетеля, и у обвиняемого, но она имеет комплексный характер: отражение и понимание человеком действительности — полифункционально и к одному *восприятию* не сводится. Эта способность должна иметь значение не только для процессуального *статуса* лица, но и правового. Термин «понимание» наиболее адекватен содержанию этой способности в связи с субъектным и субъективным ее характером [8].

Выделение *способности правильно понимать действительность* прежде всего связано с тем, что закон предписывает, чтобы человек как субъект преступления имел представление об обществе и общественных отношениях, имел общее поня-

тие о преступлении как общественном явлении. Так, признаками преступления, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ «Понятие преступления», являются: *общественная опасность* (свойство деяния причинять существенный вред общественным отношениям), *противоправность* (запрещенность уголовным законом общественно опасного деяния), *наказуемость* (установление законом уголовного наказания или иных мер уголовно-правового воздействия за общественное деяние, признанное преступлением). Таким образом, человек как субъект преступления должен быть осведомлен о таких, вполне определенных социальных значениях действительности и знать их общепринятую оценку. И речь не идет здесь о знании законов. Он должен иметь возможность различать добро и зло, иметь понятие об общественных правилах и законах, а также о допустимом, порицаемом, запрещенном, наказуемом поведении *в обществе*. Только понимая это, человек может быть способен соотнести свое поведение с этими признаками, может принципиально не совершать порицаемое деяние или воздержаться от его совершения в провокационных ситуациях. Однако эти его возможности относятся уже к способностям осознавать значение своих действий и руководить собой.

Итак, психологические возможности человека как субъекта преступного деяния проявляются как комплекс не двух, как указано в УК РФ, а *трех* уголовно-релевантных субъектных способностей, характеризующихся через «ключевые термины»: «*мог понимать действительность*», «*мог осознавать свои действия*» и «*мог руководить собой*» [1; 8]. В проявлении данных способностей можно выделить специфику: ведущую роль в первой способности играют *интеллект* и *сознание*, во второй и третьей — *самосознание* (созерцательно и действенно функционирующее). В авторском подходе функционирование трех отмеченных способностей включено в *субъектное самоуправление личности*. Тем самым, доказав релевантность социальных субъектных способностей понятию субъекта преступления, следует выяснить, фигурирует ли содержание понятия *самоуправления* в УК РФ.

Признаками преступления, кроме названных, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, является *виновность* — совершение предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния умышленно или по неосторожности. Таким образом, уточнение психологических характеристик человека как субъекта преступного деяния необходимо через психологический анализ понятия *вины*. В соответствии со ст. 24 «Формы вины», «виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно, или по неосторожности» (ч. 1), «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» (ч. 2). Формулировка ч. 1 дает основание отнести вину к характеристикам субъекта преступления и предположить, что это юридическое понятие не определить без понимания его психологического содержания.

Согласно Р. И. Михееву, вина определяется через понятие субъективного отношения [9, с. 18]. В других источниках также используется понятие «отношение». «Комментарий к УК РФ», обращение к которому обусловлено его значимой ролью как источника информации для пользователей УК, трактует таким образом. «Вина — это предусмотренное уголовным законом психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому деянию и его последствиям, выражающее отрицательное отношение к интересам личности и общества» [3, с. 36]. Обращает на себя внимание, что в данном определении понятие «отношение» используется дважды, но с разным содержанием.

Понятие «отношение» вообще является одним из емких и многосодержательных: от «в самом общем виде взаиморасположения объектов и их свойств» [10, с. 258], отношений между людьми и внутриличностных, до оценки и эмоциональ-

ного переживания человека. Кроме того, отношение также понимается как одна из функций психики. Таким образом, суть отношения может быть бесконечно разнообразной. В. Н. Мясищев [11] писал по поводу психического отношения, что оно выражает активную избирательную позицию личности, определяющую индивидуальный характер деятельности и отдельных поступков. Итак, согласно этому определению, психическое отношение дифференцировано от деятельности и поступков, но в то же время, исходя из вышеприведенных определений, последние могут также пониматься и как отношение.

Подобной двойственности не избежали и современные специалисты по уголовному праву. Так, Л. В. Тихомирова и М. Ю. Тихомиров в юридической энциклопедии, отражая современный уровень знаний, характеризуют вину как «психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям. Наличие вины означает, что деяние не просто совершено конкретным лицом, но и является как бы продуктом его внутреннего мира, его воли, сознания» [12, с. 127]. Обозначение «как бы» и перечень данных психических феноменов показывают нечеткость понимания авторами психологического содержания вины. Ведь как виновность, так и невиновность имеют отношение к внутреннему миру, сознанию, воле, тому, как функционирует психика в целом. Кроме того, подчеркну, что характеристика видов умысла и неосторожности через интеллектуальный и волевой момент, а также то, как последние определяются авторами пособия, необходимого для обучения как юристов, так и экспертов-психологов [13], отличается от современного психологического их понимания.

Сложность толкования психологического содержания вины отмечается и юридическими психологами. Так, по мнению О. Д. Ситковской, «понятия умысла и неосторожности не имеют готовых психологических аналогов» [2, с. 38]. В связи с этим, еще раз отмечу чрезвычайную актуальность разработки психологического содержания понятий, значимых для уголовного права, т. к. неясности ведут к юридическим ошибкам. Например, Р. И. Михеев по материалам уголовных дел установил, что «каждая третья ошибка связана с неправильным установлением вины, а в 3/4 случаев неправильной квалификации — ошибка касалась субъективной стороны преступления» [9, с. 18].

Итак, анализ обращения к психологическим терминам в науке уголовного права, без которых ей не обойтись, говорит о следующем. Во-первых, психологический термин может быть наполнен не психологическим, а юридическим содержанием, не совпадающим с психологическим; во-вторых, психологическое содержание, подразумеваемое специалистами уголовного права, может раскрываться не адекватно; в-третьих, юридические и психологические понятия, отраженные одним термином, не только не совпадают по содержанию, но и *должны* не совпадать, а иметь конкретно-научную специфику.

В анализируемом контексте остается не ясным, что же подразумевается под отношением при определении понятия вины. Уточнение возможно через анализ форм вины и видов умысла. Согласно ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно», таковым признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом (ч. 1). Прямой умысел определяется тем, что «лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления» (ч. 2). «Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично» (ч. 3).

Используя модель субъектного самоуправления, состоящую из 13 функциональных звеньев [1], можно следующим образом толковать понятие вины. В законодательной формуле виновного деяния предписывается, чтобы субъект преступления мог ориентироваться на общественное значение происходящего с ним, а не только на его фактический характер или личностный смысл, не только был ориентирован на свои непосредственные желания, проявляемые «здесь и теперь», а имел возможность использовать общественное значение как эталон для контроля (сравнения), оценки (ранжирования в определенной системе координат) деяния и осуществления прогноза (предвосхищения) результата. Возможности человека как субъекта виновного деяния позволяют ему делать выбор из альтернативных форм поведения: нарушать или не нарушать закон. Данного субъекта характеризуют собственные интенции как предпосылки его деяния в виде желания наступления определенного результата и положительного к нему отношения (в виде личностного смысла), а значит и устремления (реального побуждения) к нему, проявившегося в деянии (прямой умысел), или лишь допущения наступления определенного результата во временной перспективе и нейтрального к нему отношения (косвенный умысел).

Таким образом, соотношение юридического содержания вины с психологическими феноменами показывает, что, говоря о вине, имеется в виду не деятельность человека как личности, а психическое самоуправление, в котором он выступает в роли социального субъекта. Тем самым, под виновным деянием подразумевается не отношение личности (как одна из функций психики или позиция), а в целом субъектное самоуправление личности, с выделением специфики проявления следующих функциональных звеньев:

— при прямом умысле: ориентировка в общественных значениях, наличие личностного смысла происходящего, контроль с использованием общественных и индивидуальных эталонов, оценка противоправности деяния, прогноз антиобщественных результатов, выбор из альтернатив (поступать в соответствии с общественным значением, или личностным смыслом), прямое целеполагание и положительно окрашенное устремление к противоправной цели или наличие преступного мотива и личностного смысла в совершении преступления;

— при косвенном умысле: ориентировка в общественных значениях, наличие личностного смысла происходящего, контроль с использованием общественных и индивидуальных эталонов, оценка противоправности деяния, прогноз (при двойственной цели) прямых (как личностно значимых) и косвенных (как антиобщественных) результатов, выбор из альтернатив (поступать в соответствии с общественным значением, или личностным смыслом), косвенное целеполагание и устремление к цели, не имеющие того противоправного смысла, который содержится в значении полученного результата.

На первый взгляд, психологическое отличие прямого и косвенного умысла заключается, соответственно, в наличии или отсутствии преступного мотива и антиобщественного смысла (того, ради чего или зачем осуществляется деяние). Однако необходимо подчеркнуть: прямой умысел может включать разное содержание мотива, последний может быть как преступным, так и не преступным и не обязательно неизменным. Например, ради любви преступным способом избавиться от соперника. Если преступление совершается ради преступления, смысл будет в его совершении, такие люди представляют наибольшую общественную опасность. Согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева [14], мотив релевантен деятельности в целом, а цель — лишь действию, именно мотив характеризует смысл (субъективное отношение к деянию) и суть деяния в целом. Цель — ситуативная и эпизодическая характеристика активности личности, более обобщенно и типично ее характеризует содержание мотивов и смыслов. В то же время, привычность

постановки определенных, в том числе и противоправных, целей и осуществления подобных действий и операций, в целом, может проявляться такой устойчивой формой психики, как *черта*, а типичность мотивов — *принципами* жизненной позиции.

Таким образом, дифференциация форм вины характеризует преступную субъектность личности, а значит, в большей или в меньшей мере ее общественную опасность. Можно толковать, что прямой умысел выражается через *намерение* — *устремление* к совершению преступления, а косвенный — лишь его *позволением* при *двойственном* или *удвоенном* строении цели и непреступном характере мотива. Умышленное преступление характеризует самоуправление личности как субъекта, в которое включено аномальное отношение к обществу. Причем эпизодическое устремление менее общественно опасно, чем типично характеризующее субъекта, хотя оба они включены в содержание прямого умысла.

Психологически устремление от позволения отличается выраженной действительностью, ведь устремление — это реальное побуждение, а позволение — «допущение» [15, с. 547] или «не воспрепятствие» [16, с. 479]. Позволение у человека возникает в определенном жизненном контексте, порой в связи с неумением противостоять жизненным трудностям или с неготовностью просоциально субъектно разрешать жизненные противоречия. Также, например, оно может быть связано с отечественным менталитетом и правовой культурой и проявляться типичными особенностями в отношении к закону в виде склонности к непосредственности и правовому нигилизму [17; 18].

Кроме выделенных двух форм вины (умысел и неосторожность), законодательно отличаются виды неосторожности. Согласно ч. 1. ст. 26 «Преступление, совершенное по неосторожности», таковым признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. «Преступление по легкомыслию» характеризуется тем, что «лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий» (ч. 2). «Преступление по небрежности» характеризуется тем, что «лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия» (ч. 3).

Таким образом, *преступная неосторожность по легкомыслию* заключается в наличии в самоуправлении у субъекта деяния *прогноза* последствий и *оценки* их как *общественно опасных*, но *лично благоприятных* для совладания. Это происходит в связи с тем, что самоуправление личности может иметь признаки неэффективности в одном или ряде своих звеньев. Например, неэффективными могут быть: объединение информации (*афферентный синтез*) условий сложившейся ситуации (*модели значимых внешних условий*) и собственных возможностей (*модели значимых внутренних условий*), а также выбор *значимой* информации, сравнение (*контроль*) своих возможностей и требований ситуации, *оценка* этого соотношения и/или *самооценка*, как ситуативно проявившихся психологических особенностей человека, так и типичных для него, связанных с функционированием его интеллекта и самосознания.

В свою очередь, *преступная неосторожность по небрежности* заключается в отсутствии в самоуправлении у субъекта деяния *прогноза* общественно опасных последствий, хотя это функциональное звено при дополнительных психических усилиях должно и могло быть им осуществлено. Подобные характеристики самоуправления могут быть связаны с индивидуально-психологическими особенностями, как ситуативно проявившимися, так и типичными для личности: импульсивность, легкомысленность, склонность к риску, эгоцентричность или группоцентризм (ориентировка, соответственно, на свою позицию или позицию определенной

группы), недостаточность жизненного опыта или возможностей мышления, недоразвитые или не проявившиеся склонности к рефлексии и осмыслению жизни и своих поступков.

Итак, *субъекту преступления* как юридическому понятию, соответствует общее содержание такого психологического понятия, как «*субъект самоуправления*». Однако для юридической оценки важно не субъектное самоуправление как таковое, проявляемое в социальном контексте, а проявляемое в инкриминируемой ситуации. Это ограничение важно для определения объекта, а затем и предмета судебно-психологического экспертного исследования обвиняемого. Таким образом, логично, что экспертно-психологическое понятие, соотносимое с субъектом в уголовно-правовом плане, будет таким: «*уголовно-релевантная субъектность человека*». В обобщенном виде для экспертно-психологической квалификации такое лицо, как *субъект преступления* — это человек, способный к уголовно-релевантному субъектному самоуправлению, проявляемый уголовно-релевантные субъектные способности в ситуации правонарушения.

С точки зрения психологии, неадекватно, что мотив, цель, эмоции, с одной стороны, и формы вины (как возможности юридически значимого самоуправления), с другой, существуют, соответственно, как факультативные признаки преступления и обязательные, поскольку без анализа феноменов первой группы невозможно установить ни содержания вины, ни ее формы. Так, если вычесть один из перечисленных психических феноменов, невозможно говорить о психическом самоуправлении как системе функций [1]. Кроме того, «установление мотива, цели и эмоций позволяет определить *степень вины*» [3, с. 37]. Анализ показывает, что *аффектированный умысел* не идентичен ни косвенному, ни тем более прямому умыслу, как и видам неосторожности, т. е. в целом, обеим формам вины. Хотя под влиянием сильного и/или глубокого переживания (аффекта и др.) нарушаются *целеполагание* и *смыслообразование*, которые в «эмоционально заряженном» виде имеют к совершенному не прямое, а косвенное отношение, будучи прямо связанными со снятием эмоционального напряжения или возбуждения. Но при этом также могут деформироваться и другие звенья самоуправления, осуществляющие *ориентировку, рефлексивную, программирование, интеграцию, контроль, оценку, прогноз, резюмирование, коррекцию* и другие функции, необходимые в проявлении умышленного деяния. Результат субъектного самоуправления в целом зависит от эффективности каждого из 13 выделенных в нем функциональных звеньев.

Ориентировка уголовного законодательства на особенности самоуправления субъекта при совершении преступления выявляется и в нормах, квалифицирующих соучастие в преступлении. Согласно ст. 32 УК РФ «Понятие соучастия в преступлении», оно определяется как совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 33 УК РФ, соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник. Их значимыми юридическими характеристиками являются следующие:

— у *исполнителя* (ч. 2 ст. 33) — непосредственное участие в совершении или использующее для исполнения других лиц, не подлежащих уголовной ответственности;

— у *организатора* (ч. 3 ст. 33) — руководящая роль в исполнении преступления, а также в создании преступной группы либо руководстве ею;

— у *подстрекателя* (ч. 4 ст. 33) — склонение другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы и другим способом;

— у *пособника* (ч. 5 ст. 33) — содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий, заранее данными

обещаниями скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы.

Таким образом, в самоуправлении, направленном на совершение преступления у данных лиц как субъектов деяния, выделяются для юридической оценки специфические функциональные звенья, направленные на результат, объединяющий этих участников:

— у исполнителя — *осуществление регуляции*;

— у организатора — практически все функции психического управления, значит это: 1) *побуждающая*, 2) *целеполагающая/целенаправляющая*, 3) *ориентирующая*, 4) *рефлексирующая*, 5) *программирующая*, 6) *эталонно-ценностная/смыслообразующая*, 7) *интегрирующая*, 8) *регулирующая/коммуникативная*, 9) *результатирующая*, 10) *контролирующая*, 11) *оценивающая*, 12) *прогнозирующая*, 13) *корректирующая*, либо исключают функции *побуждения* и *собственно регуляции* (как у исполнителя);

— у подстрекателя — *все функции* психического управления, либо исключают функцию *собственно регуляции* (как у исполнителя), направленные на *реорганизацию* субъектного самоуправления других лиц (т. е. прежде всего: 1) *побуждающая* и 2) *целеполагающая/целенаправляющая*) для достижения необходимого ему результата;

— у пособника — помощь в осуществлении таких *функций* психического управления, как 3) *ориентирующая*, 5) *программирующая*, способствующих, кроме того, формированию *позитивной оценки* и *прогноза* достижения *цели* (11, 12 и 2 функциям) у организатора, а также исполнителя.

Поскольку Уголовный закон содержит обстоятельства, исключющие преступность деяния, они должны негативно соотноситься с выделенными психологическими возможностями человека как субъекта преступления и дать при анализе дополнительную информацию для понимания и подтверждения умозрительно выведенных его психологических характеристик. Согласно УК РФ, обстоятельства, исключющие преступность деяния, это — необходимая оборона (ст. 37), крайняя необходимость (ст. 39), физическое или психическое принуждение (ст. 40), обоснованный риск (ст. 41). Формулы этих статей содержат характеристики разных возможностей субъектного самоуправления личности, характеристики субъектно-объектных возможностей личности:

— крайняя необходимость — причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при устранении опасности для данного лица или иных лиц — значит, человек, осознавая опасность, *имел ограничения для выбора* (неблагоприятные альтернативы) или *принятие решения* было навязано характером сложившейся ситуации, затрагивающей проблему личностного смысла в крайней форме: «быть или не быть»; при руководстве своими действиями он проявлял не активность, а *реактивность*;

— физическое или психическое принуждение — оно прямо определяется как причинение вреда, если вследствие принуждения лицо *не могло руководить* своими действиями (бездействием), т. е. руководство осуществлялось извне, и человек был не субъектом, а объектом, воспроизводящим воздействие, т. е. проявлял *репродуктивность*; таким образом, психологически оправдано, что виновен тот, кто руководил вынужденными действиями;

— обоснованный риск — причинение вреда для достижения общественно полезной цели — в этой норме, как и при необходимой обороне, человек является *субъектом самоуправления*, но общественно опасными его действия не являются.

Соотношение возможностей человека и требований, предъявляемых уголовно-правовой ситуацией, имеет существенное значение для квалификации субъек-

та деяния и в *Особенной части* УК РФ. Не всегда человек может проявить возможности в соответствии с требованиями определенной ситуации, чтобы совладать с нею или защитить себя. В связи с этим, в ряде статей УК РФ (105, 131, 132) для квалификации преступного деяния используется понятие «беспомощное состояние» жертвы. Например, п. «в» ч. 2 ст. 105 специально квалифицирует «убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека, либо захватом заложника». А в ч. 1 ст. 131 «Изнасилование» это преступление квалифицируется как «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей».

Итак, указание на беспомощное состояние жертв (потерпевших) имеет значение для квалификации преступления, но в формуле закона оно содержательно не раскрывается. Если предположить, что обвиняемый, исходя из социальной осведомленности, может понимать это содержание как «очевидное», то следует указать, что даже на уровне комментария к УК РФ, а также постановлений Пленума Верховного Суда РФ, оно трактуется по-разному [3, с. 228, 294–295].

Психологическое содержание понятия «беспомощное состояние» представляет интерес для анализа в данном контексте, поскольку связано с понятием насилия или насильственного воздействия, которое также значимо для уголовно-правовой оценки субъекта преступления. В этой связи, необходима такая конструкция обоих понятий, чтобы их психологическое содержание было настолько обобщенным, что могло соответствовать системе уголовного права как *Общей*, так и *Особенной части* УК РФ. Исходя из авторской концепции, предлагаются следующие определения.

Насильственное воздействие или *принуждение* — это такое воздействие одного человека (группы) на другого, при котором потерпевший как субъект не может во взаимодействии поступить исходя из ситуативных личных целей и совершает под влиянием другого человека для удовлетворения его желаний вынужденное поведение, в соответствии с перспективными целями, не имея при этом свободы выбора при принятии решения о цели, поскольку указанное воздействие актуализирует его жизненно важные потребности.

Если под влиянием другого человека (группы) или реальной, но не понимаемой угрозы своим интересам у реципиента воздействия отсутствует не только свобода выбора в принятии решения о цели, но также и возможность достижения как ситуативной, так и перспективной (с учетом прогноза) целей, значит, воздействие привело его к *беспомощному состоянию* или осуществилось с учетом этого состояния.

Беспомощность может быть детерминирована психологическими и/или физическими причинами, проявлением не мощи, а немощи. В беспомощном состоянии человек не может понимать опасного для себя характера сложившейся ситуации; либо может понимать, но не может *позволить* себе оказывать сопротивление или *проявлять попытки* совладания с ситуацией, в отличие от проявления неэффективных действий. Таким образом, человек в определенной ситуации не имеет возможности позволить себе умозрительно и/или действительно проявить *субъектность* (возможности субъекта), проявляет *объектность* (характеристику объекта), тем самым, его состояние (положение) характеризуется как беспомощное.

Способность преступника понимать беспомощное состояние жертвы и действовать с использованием этого состояния включает: ориентировку на ситуативные условия, сравнение собственных возможностей и возможностей потерпевшего, оценку этого соотношения в виде собственных ситуативных преимуществ, сознание или осознание невозможности со стороны потерпевшего проявлять свои намерения и/или оказывать сопротивление, создание условий для возникновения этого состояния и/или использование этого состояния в своих интересах. Очевид-

но, что психологическое понимание беспомощности отличается от юридического, с помощью которого из всех лиц, оказавшихся жертвами, выделяются особые — беспомощные. Психологически, исключая сознательную жертвенность, человек оказывается «жертвой», будучи как беспомощным, так и неэффективным в разрешении ситуации в свою пользу.

Положение «жертвы» связано с любой формой насилия, приводящей к снижению субъектности личности до объектного состояния. Например, в результате разработанных технологий воздействия и превращения людей в адептов-последователей в религиозных сектах, или для использования их в своих целях в организациях по типу сетевого маркетинга. В соответствии со ст. 239 УК РФ «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан», запрещено создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами...».

Как следует из юридических работ [19], религиозоведческая экспертиза по оценкам степени опасности для личности религиозной организации не предусмотрена нормативными актами. Исходя из психологии воздействия, достаточно установления с помощью судебно-психологической экспертизы признака *намеренного насилия* или *скрытого принуждения* в деянии представителей организованных объединений и проявления признаков *объектности* в самоуправлении «жертв». Вероятно, что можно ограничиться установлением признаков *намеренного насилия* или *скрытого принуждения* для оценки общественной опасности таких организовано объединившихся лиц, как и лиц, действующих индивидуально.

В ряде статей УК РФ учитывается воздействие, носящее *провокационный* характер для снижения возможности проявления личностью субъектного самоуправления. Закон встает на защиту интересов как потерпевших от деяний по ст. 110 «Доведение до самоубийства», так и лиц, совершивших преступления «в состоянии аффекта» по ст. 107, 113, квалифицируя такие деяния как общественно опасные. Нормы ст. 282 УК РФ «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» затрагивают субъектное проявление и актора (как автора), и реципиента (как принимающего) подобного воздействия. Эта статья устанавливает ответственность за действия, направленные на возбуждение такой вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганду исключительности, превосходства, либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации.

Так, «Методические рекомендации Генеральной прокуратуры», подготовленные по вопросу использования специальных познаний по такого рода делам, разъясняют, что «возбуждающей в смысле ст. 282 УК РФ является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них» [20, с. 3]. Опасность пропаганды или агитации, возбуждающих национальную или религиозную ненависть и вражду, заключается прежде всего в нагнетании напряженности в обществе, провокации конфликтов.

Таким образом, в ст. 282 УК РФ речь идет об опасности ослабления проявления субъектности человека, представителя определенной группы, чьи интересы затронуты, а негативное отношение к другим людям провоцируется такого рода пропагандой. Данная статья УК затрагивает такие *атрибуты субъектности* личности, как *целостность* и *самоценность*. Наказуемое деяние провоцирует проявление

ние всех выделенных автором *объектных атрибутов личности: реактивность, зависимость, непосредственность, фрагментарность, репродуктивность, малоценность* [1].

В данном случае феномен снижения уровня субъектности личности можно связать не только с функционированием эмоций, но и с проявлением более архаичного, чем индивидуально-личностный, уровня обыденного сознания. Он связан, как следует из психологических исследований, с родовым сознанием, исторически появившемся раньше индивидуального [21], группо- и этноцентризмом человека [22–25], а также противопоставляющими отношениями «Мы — Они» и «Я — Они» [26] в онтогенезе самосознания человека, являющимися низшими уровнями возможностей в его функционировании как социального субъекта.

Продолжая рассматривать соотношение возможностей человека и ситуативных требований (включая неправомерные и провокационные), значимое для характеристики человека как субъекта преступления, обращусь к «эмоциональным преступлениям». В действующем УК РФ правоведы используют для квалификации обсуждаемого несоответствия понятие «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» (ст. 107, 113). Кроме того, следует выделить ряд статей УК РФ, в которых также отмечается учет факторов, имеющих эмоциональную природу: несоответствие психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ст. 28); стечение тяжелых жизненных обстоятельств (ст. 61); возникновение длительной психотравмирующей ситуации (ст. 107, 113) или условий психотравмирующей ситуации, либо состояния психического расстройства, не исключающее вменяемость (ст. 106); причинение психических страданий (ст. 117); жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства (ст. 110); оскорбление, т. е. унижение чести и достоинства (ст. 130). Итак, современное уголовное законодательство в ряде статей (в контексте различных юридических понятий) указывает (или подразумевает) как на различные состояния преступников, связанные с эмоциональными переживаниями, так и на критические и эмоциогенные ситуации, которые приводят к своеобразной вынужденности поведения человека или его невозможности соответствовать в полной мере требованиям сложившейся ситуации.

Прежде всего надо отметить, что в отечественном уголовном законодательстве вообще учитывается феномен *психического состояния* (т. е. состояния психики) как при дифференциации психического здоровья и патологии, так и в связи с функционированием психики человека в пределах нормы. (Во избежание терминологической путаницы: *психическое состояние* — это любое состояние психики, которое может изучаться различными науками, а *психологическое состояние* — это состояние, рассматриваемое в ракурсе психологии). Значимость внешних и внутренних «провокационных» факторов для возникновения юридически значимых *психологических состояний* объединяет самые различные юридические понятия, используемые в УК РФ. Например, «условия психотравмирующей ситуации», «несоответствие психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам», «доведение до самоубийства», «аффект», «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». В этих понятиях отражается *амбивалентная* сущность личности (одновременно и как объекта воздействия, и как субъекта деяния), которая становится психологической основой осуществления личностью субъектного самоуправления *не в полной мере*. А именно: снижения способности личности быть субъектом деяния под влиянием провокационных воздействий извне (в виде *реактивности*, а не активности), а также переживаемых эмоций, влияющих изнутри (в виде *непосредственности*, или *опосредованности*, но не *опосредствованности* активности). В подобных случаях личность

функционирует не *целостно*, а *фрагментарно*, проявляя себя либо только в отношении ситуационных требований к ней, а не в отношении к своей жизни в обществе в целом, либо неполно в отношении своих потенциальных возможностей. Таким образом, содержание понятия «юридически значимое состояние психики» должно сводиться не к конкретным видам эмоциональных переживаний, как и не к конкретным видам заболеваний, а к возможности проявления личностью, в связи с ее психическим состоянием, *субъектного самоуправления и субъектных способностей*, релевантных нормам действующего УК.

Анализ показывает, что современное уголовное законодательство конструируется на основе тенденции: использовать психологические знания, брать на вооружение психологические понятия. Но наряду с позитивной оценкой этого явления, следует отметить тревожный факт. Например, при использовании термина «аффект» в контексте ст. 107, 113 УК РФ, где указывается на учет «состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» в психолого-правовом контексте образовались *три* понятия аффекта: психологическое, юридическое и, как следствие — экспертно-психологическое (экспертологическое, психолого-юридическое). И все эти понятия, обозначенные одним термином, должны иметь разное содержание.

В связи с этим, понятийный аппарат УК РСФСР [27] при использовании понятий «сильное и внезапно возникшее сильное душевное волнение» был более адекватен для междисциплинарного психолого-правового употребления по ряду причин: дифференцированности содержаний юридических и психологических понятий, обобщенности подхода. Так, «внезапно возникшее сильное душевное волнение» как юридическое понятие можно было соотносить с разными психологическими состояниями, кризисными по своей сути: аффектами, острым горем и тревожностью (в виде беспомощности/безнадежности). А «сильное душевное волнение» — с состояниями стресса, ревности, «конфликтной» тревожности, разного типа фрустрациями, а также страстью [28–30].

Четкость данной классификации, прежде всего, зависит от разработанности общепсихологической теории эмоциональных переживаний [31–33 и др.]. Однако юридическое значение имеет не сам по себе *вид* эмоционального переживания (их обозначение в психологии до сих пор проблематично, выраженные переживания не просты по строению и динамичны в проявлении), а его влияние на проявление субъектности личности. Поэтому лишь судебно-психологическое экспертное исследование может установить существенность влияния на самоуправление человека любого переживаемого состояния, в том числе достижение переживанием степени аффекта, то есть являлось ли оно релевантным определенным нормам действующего УК. Но и сами уголовно-правовые нормы должны соответствовать психологическим реалиям и предписывать не квалификацию вида эмоционального состояния, а обобщенно учитывать влияние эмоционального переживания на субъектные возможности человека. Такую функцию и выполняли понятия *сильного и внезапно возникшего сильного душевного волнения*.

Нормы действующего УК РФ, ориентированного на состояние аффекта (ст. 107 и 113), не охватывают всех эмоциональных состояний, влияющих на субъектное самоуправление личности. Кроме того, в формулах этих статей не отражается как значимый именно этот факт — влияние состояния на *уголовно-релевантную субъектность* личности. Если с учетом общепсихологических знаний подразумевается, что аффект имеет такое влияние, то все равно не всякий психологический аффект может соответствовать юридическому содержанию этого понятия. Как квалифицирующий выделен такой его признак, как «вызванность противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего». В связи с этим, например,

аффект, связанный с самоэкзальтацией, этому юридическому понятию не соответствует, но от этого аффектом в общепсихологическом значении быть не перестает.

Использование понятия «уголовно-релевантное эмоциональное состояние» (как психолого-юридическое) может оказаться конструктивным в контексте 12 статей УК РФ, в содержании которых указывается как на различные состояния правонарушителей или их жертв, так и на критические и эмоциогенные ситуации. Но в соответствии с различными юридическими критериями, содержащимися в нормах и формулах закона, такие состояния и способности могут характеризовать разные *существенные признаки*.

Итак, современное уголовное законодательство построено с опорой на психологические знания. В связи с этим, адекватность норм закона зависит от адекватности используемых психологических знаний. Проведенный психологический анализ норм УК РФ не только показал правильность авторского подхода к пониманию субъектности преступника (уголовно-релевантной субъектности) через атрибуты субъектности и объектности личности, уровни субъектности, возможности самоуправления и проявления социальных субъектных способностей, но и, надеюсь, позволил раскрыть перед представителями науки уголовного права новые возможности для законотворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. В. Психологическая характеристика субъекта и субъекта преступления // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 4. С. 216–228.
2. Ситковская О. Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Изд-во «Зерцало», 1999. 96 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: Изд. гр. ИНФА*М-НОРМА, 1996. 832 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Юрайт-М, 2002. 246 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. Официальный текст по состоянию на 1 марта 20001 года. М.: Изд. гр. НОРМА-ИНФА*М, 2001. 376 с.
6. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: Изд-во НОРМА, 1998. 285 с.
7. Алексеева Л. В. Диагностика социальных субъектных способностей несовершеннолетних // Межличностные взаимодействия и развитие индивидуальности. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 1999. С. 85–110.
8. Алексеева Л. В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1996. 279 с.
9. Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 70 с.
10. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
11. Мясищев В. Н. Психология отношений / Под ред. А. А. Бодалова. М.: ИПП; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
12. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 2001. 972 с.
13. Российское уголовное право. Общая часть. Альбом схем. М.: Московская академия МВД России; Центр юридической литературы «Щит», 2001. 124 с.
14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская Академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковик, 1999. 944 с.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Ушакова. М.: Терра, 1996.
17. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России / Собр. соч. в 30 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1956. 467 с.
18. Нежелская М. А. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Право и образование. 2002. № 2. С. 75–82.

19. Вагина Н. Г. Криминологическая характеристика религиозной секты: особенности преступности и нетрадиционные технологии подчинения лидеру организации адептов-последователей: Автореф. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 18 с.
20. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды. М.: ГП РФ, 1999. 11 с.
21. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
22. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. 240 с.
23. Братусь Б. С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
24. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. 263 с.
25. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // W. C. Austin, S. Worchel (eds.) The social psychology of intergroup relations. Montrey, 1979.
26. Немиринский О. В. Личностный рост в терапевтической группе. М.: Смысл, 1999. 112 с.
27. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Юрид. лит-ра, 1990. 182 с.
28. Алексеева Л. В. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 1997. 128 с.
29. Алексеева Л. В. Юридическая психология: Учебно-методический комплекс для дистанционного обучения. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2001. 240 с.
30. Алексеева Л. В. Взаимоотношение психологии и уголовного права в аспекте экспертологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 60–71.
31. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. 200 с.
32. Василюк Ф. Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 5. С. 106–114.
33. Caplan G. Emotional crises // The encyclopedia of mental health. New York, 1963. Vol. 2. P. 521–532.

Денис Анатольевич ЗАХАРОВ –
аспирант кафедры административного
и финансового права
Института государства и права ТюмГУ

УДК 347.73

ПОНЯТИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена юридическому определению понятия налогообложения в налоговом праве России. Оно раскрывается на основе анализа положений нормативных правовых актов и мнений ученых. Исследуются также организационно-правовые аспекты налогообложения.

The article concerns the legal definition of taxation in the tax law of the Russian Federation. The semantics of this term is explained on the basis of the analysis of legislation and several scholarly works. Further the author investigates some legal and organizational aspects of taxation.

В современной юридической литературе, посвященной проблемам налогового права, понятие налогообложения встречается очень часто. Ученые исследуют налогообложение субъектов малого предпринимательства, ценных бумаг, инвестиционной деятельности и т. д. В учебниках по налоговому праву Российской Федерации (далее – РФ) целые главы отведены тем или иным аспектам налогообложения. В то же время учеными-правоведами недостаточно внимания уделяется разработке базового понятия налогообложения с правовой точки зрения. Данный